

Владимир Гурвич

Бодхисаттва

«ИП Стрельбицкий»

Гурвич В.

Бодхисаттва / В. Гурвич — «ИП Стрельбицкий»,

Литературный критик в поиске славы пишет книгу о скандально известном писателе Марке Шнейдере. После презентации книги ему приходит приглашение от самого Шнейдера провести отпуск в его загородном доме на побережье. Главный герой и предположить не мог, что он окажется в поместье современного русского Гэтсби и что этот визит станет отправной точкой для головокружительных перемен в его судьбе.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Гурвич БОДХИСАТТВА

*Если бы люди могли настолько же, как они, видно,
Чувствуют бремя, их дух давящее гнетом
тяжелым,
Также сознать и причины его...
Жизни бы так не вели, как обычно ведут ее нынче,
Не сознавая, чего они сами хотят, постоянно
К мест перемене стремясь, чтобы избавиться от
этого гнета.
Часто палаты свои покидает, кому опостылел
Собственный дом, но туда возвращается столь
внезапно,
Не находя вне его никакого себе облегченья;
Вот он своих рысаков сломя голову гонит в
имение...
Но начинает зевать, и порога еще не коснувшись;
Иль погружается в сон тяжелый, забыться
желая,
Или же в город спешит поскорее опять
возвратиться.
Так-то вот каждый бежит от себя и, понятно,
не может
Прочь убежать, поневоле с собой остается в
досаде,
Ибо причины своей болезни недужный не знает,
А понимай он ее, он бы, все остальное оставив,
Прежде природу вещей стараясь постигнуть.*

Лукреций

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ну вот, кажется, все готово: стулья расставлены, стол президиума накрыт зеленой скатертью, на которой кроме бутылок с минеральной водой расцвел пышный букет цветов. И самое главное – рядом на тумбочке висится стопка книг – плод его двухлетней напряженной работы. Хотя если быть точным, то это скорее итог всей его жизни. По крайней мере, так он рассматривает свой труд. Хотя вряд ли современники и потомки оценят его столь же высоко, как это делает он. Но это уже их дело. У него же по этому поводу есть собственное суждение.

Нигде по близости зеркала не было, и Герману пришлось только мысленно оглядеть себя; он одернул пиджак, пригладил тщательно уложенные с помощью лака волосы, поправил галстук. Он знал, что в этом новом, специально сшитом к этому торжественному событию костюме, выглядит весьма элегантно. Что ж, остается только дожидаться приглашенных и просто любопытствующих, прослышавших об очередном проводимом в Доме журналистов мероприятии, и колесо его новой жизни закрутится. Он вспомнил, во сколько обошлось ему это удовольствие устроить свою презентацию в таком престижном месте и не смог подавить вздоха. Окупятся ли его затраты? Он, как и всякий любой, кто идет на них, конечно, надеется именно на такой результат. Но его опыт советует ему быть в этом вопросе не слишком уж оптимистичным.

Первым явился Филонов. И это было хорошим знаком. То, что Филонов вообще согласился вести его пресс-конференцию, уже было большой удачей, на которую Герман не слишком надеялся. Это значит, что его начали воспринимать серьезно. Хотя Филонов всего на 5 лет старше Германа, но его имя уже широко известно в научных кругах, а книги издаются в разных странах. И если сегодня все пройдет хорошо, то и для него кончится долгий период неопределенности, безвестности, и он войдет полноправным членом в семью ученых.

Герман поспешил на встречу Филонову и первым протянул ему руку. И пока они обменивались дежурными приветствиями, он думал о том, какое действительное мнение об его книге сложилось у его собеседника. Филонов человек хитрый и не всегда просто понять, что он думает на самом деле. Так ли высоко он оценивает его творение, как недавно говорил ему, Герману. Или с его стороны это какая-то тонкая игра? Ведь о человеке, творчеству которого он посвятил свою работу, ходят самые противоречивые слухи и суждения, а литературоведы не устают спорить друг с другом об его произведениях. Сам Филонов не раз высказывался по этому поводу, написал кажется четыре или пять статей, хотя пока ничего фундаментального не создал. Да и никто подобного еще не сделал, его, Германа, творение – первая по-настоящему большая и серьезная работа о Марке Шнейдере – писателе, являющимся одной из самых загадочных и спорных фигур литературы конца двадцатого столетия.

– Приглашенные должны вот-вот прийти, – сказал Герман.

– Не волнуйтесь, – улыбнулся Филонов и покровительственно дотронулся до плеча Германа, – все обязательно придут. Вы написали хорошую книгу и интерес к ней большой. Скажу вам честно, я сам много думал о том, чтобы написать монографию о Марке Шнейдере, но пока так к ней по-настоящему и не подступился. набросков всяких сделал уйму, но вот чтобы сесть и все обобщить – пока не получается. Столько разных дел и обязанностей... А вот вам удалось. Вы молодец, хотя я и не полностью согласен со всеми вашими концепциями.

– Конечно, – поспешно проговорил Герман, – о Марке Шнейдере будут еще вестись долгие споры.

– В этом можно несколько не сомневаться, споров будет еще много, – снисходительно улыбнулся Филонов. – Хватит их еще на сотню таких книг. Но вы первый, кто осмелился сказать свое веское слово. А это всегда ценится.

Герман поймал себя на мысли, что как всегда обаяние Филонова обволакивает его словно туман, заставляет верить каждому его слову. И в тоже время он знал, что должен быть осторожным, не поддаваться на его чары, которые на самом деле могут прикрывать совсем иные чувства и мысли.

Небольшой зал заполнился на удивление быстро. Еще три минуты назад почти никого не было, а теперь уже нельзя было отыскать свободного места. Все чинно сидели на стульях в ожидании начала представления.

Целый день Герман твердил себе, что для беспокойства нет никаких причин, что если даже будут задавать каверзные вопросы, то он сможет найти на них достойные ответы. И все же сейчас он ощущал такое волнение, что у него даже слегка подрагивали коленки.

– Полагаю, что можно начинать, – хорошо поставленным голосом словно специально созданным природой для проведения подобных мероприятий произнес Филонов. – Сегодня мне выпала большая и приятная честь представить только что вышедшую книгу моего молодого коллеги Германа Фалина «Гармония дисгармонии». Думаю, что вы все знаете, что она посвящена творчеству писателя Марка Исаковича Шнейдера. Сейчас уже мало, кто сомневается, что это один из самых значительных литераторов второй половины двадцатого века, чьи произведения получили признание во всем мире. Но одновременно Марк Шнейдер один из самых спорных и я бы сказал малопонятных авторов, не случайно, что многие его называют литературным Сальвадором Дали. Великого испанца он напоминает тем, что, используя в основном реалистический метод письма, создает на своих страницах очень странные и малопохожие на нашу повседневную реальность картины. Эта тенденция проявилась у него с самых первых его военных повестей; если советская литература воспевала подвиг нашего солдата, рисовала ужасы войны, то Марк Шнейдер даже самые ее героические страницы описывал как беспробудный сон разума. Я помню то шоковое состояние, которое я испытал, когда мне впервые попался замусоленный сборник повестей Марка Шнейдера. Мне стало страшно оттого, что действующие в них герои оказываются как бы запрограммированными на ведение военных действий в не зависимости от собственных желаний и намерений, что людьми движет вовсе не стремление защищать свою страну, а желание убивать, которое возрастает по мере того, как увеличивается у солдата его личный счет убитых. Война, говорит нам автор, – это безличностная ненависть, когда в качестве ненавидимого объекта человек воспринимает целый народ, незнакомых людей, которые не сделали ему ничего дурного. Марк Шнейдер убедительно показал, как люди, стреляя в друг друга, на самом деле убивают самих себя. И это было для меня в то время потрясением, это было открытием! Не случайно, что эти повести были изданы всего один раз, а потом на многие годы оказались под запретом. Затем появился роман «Творец одиночества», ставший эпохальным для современной литературы и я бы еще добавил и для современного сознания. Хотя, по моему глубокому убеждению, – эта книга остается все еще недооцененной, я бы даже сказал непрочитанной. В чем ее пафос? Человек задуман природой в качестве одинокого создания, только в самом себе он может найти смысл своего существования, а строительство своей личности – это единственный подлинный вид творчества. Но одиночество требует от человека огромного труда, чтобы его облегчить или чтобы вообще избавиться от него, он становится коллективистом. Но любой вид коллективизма – это умаление человека, а отказ от самотворчества, дорога в никуда. Все несчастья человечества происходят от коллективистских устремлений и от коллективного бессознательного. Ибо, как утверждает писатель, коллективный разум не способен к настоящему развитию, развитие всегда лично. Но Марк Шнейдер вовсе не воспевает ничем не ограниченный индивидуализм, он против сверхчеловека Ницше, он за человека гармонично развитого, преодолевшего земное тяготение своего эгоизма. И именно из одиночества таких людей и возникает подлинный коллективизм, вернее это уже не коллективизм, а нечто совсем другое – сообщество свободных индивидуумов.

Он решил воспользоваться моей презентацией дабы изложить тезисы своей ненаписанной книги, думал Герман, слушая выступление Филонова. Он не может не понимать, что его слова весьма существенно расходятся с содержанием моей работы. Ведь я во многом по иному интерпретирую этот роман, его анализу у меня посвящена целая глава. И он, конечно, не может не помнить ее. Но тогда его нынешние слова означают, что это сознательный выпад против меня, и Филонов вовсе не собирается превращаться в моего благожелателя, более того, очень вероятно, что отныне он окончательно переходит в стан моих самых непримиримых противников. И не рядовым его членом, а их предводителем.

Филонов продолжал вещать, и каждое его слово словно взрывной патрон все сильнее подрывало спокойствие Германа. Теперь он уже почти не сомневался, что это брошенный ему вызов обдуман заранее. И именно для того чтобы его сделать, Филонов и принял предложение выступить ведущим на презентации книги Германа. Тем более лучшего случая для этой цели найти просто невозможно.

– А теперь в заключении моего выступления позвольте несколько слов посвятить самому виновнику сегодняшнего торжества. Совсем не из желания ему польстить должен заметить, что, на мой взгляд, книга Германа Фалина – серьезное и интересное исследование творчества Марка Шнейдера. Не каждый молодой автор отважится взяться за такую тему, ведь Марк Шнейдер – не просто писатель, это огромный и еще совсем малоисследованный мир. По сути дела это тера инкогнито, которую еще предстоит открыть. И вот появляется человек, так сказать новый литературный Колумб, который осмеливается отправиться в одиночное плавание к новому континенту. Конечно, такое непростое путешествие не может пройти целиком гладко, в книге немало спорного, но ведь речь в данном случае идет не о неоспоримой геометрической аксиоме, а о самом настоящем географическом открытии. И поэтому будем благодарны нашему «географу» хотя бы уже за то, что он приблизил к нам этот новый и очень сложный в геологическом плане материк.

Первоначально Герман намеревался прочитать серьезный доклад о творчестве Марка Шнейдера минут этак на 30–40. Но затем отказался от своего намерения, разумно рассудив, что слушатели вряд ли выдержат столь длительное испытание. Поэтому он заранее набросал несколько тезисов на десятиминутную речь. Но теперь, слушая разглагольствования Филонова, решил, что должен непременно как-то ответить ему. Конечно, он не собирается вступать с ним в прямой спор – с его стороны это было бы крайне неосторожно, а на Филонова он еще рассчитывает в своих планах. И у него нет желания, чтобы присутствующие поняли, что между ними происходит полемика. Но и оставить полностью без внимания его выпады он тоже не может. Поэтому его речь должна быть осторожной и взвешенной и в тоже время ему надо публично продемонстрировать свое несогласие с Филоновым.

– Прежде всего, хочу поблагодарить всех, кто пришел на презентацию моей книги. И в первую очередь самая моя горячая благодарность уважаемому Александру Борисовичу за то, что он взял на себя нелегкий труд вести эту пресс-конференцию. Наверное, всех интересует вопрос, почему для своего исследования я избрал творчество Марка Шнейдера? Есть писатели, которые наиболее полно отражают дух эпохи. Я считаю, что таким автором в высшей мере и является Марк Шнейдер. В чем на мой взгляд состоит это отражение? Может быть, мое мнение покажется немного парадоксальным, но мне представляется, что главная ценность его творчества состоит в том, что он, следуя за своим веком, также не смог дать ответы на те фундаментальные вопросы, которое поставило перед нами время.

Говоря иными словами, современное человечество все еще не способно ответить на вызов эпохи и лучшее, что оно может сделать в этой ситуации, – это дать себе отчет в создавшемся положении, осознать собственное бессилие. Именно эту ситуацию и пытался показать Марк Шнейдер. Страницы его книг отражают растерянность и отчаяние людей, оказавшихся затерянными в тупиках нашей цивилизации, их полное непонимание самих себя.

Наиболее характерным в этом плане стал роман «Творец одиночество». Человек от рождения проклят одиночеством и чтобы спасти себя он вынужден совершенствоваться в искусстве быть одному. Но на самом деле это не его выбор, вся его натура стремится к соборной общности. Уходя все глубже в бездонный океан своего одиночества, человек на самом деле все же надеется когда-нибудь выйти из этого состояния, ибо он понимает, что подлинное единение возможно только тогда, когда люди преодолеют свой эгоизм, который сильнее любой каменной стены отделяет нас друг от друга. Одиночество же позволяет справиться с ним, ибо подлинно одинокий человек не опутан с ног до головы миром вещей и желаний, он разрывает с ними душасшие его связи. Мы одни, чтобы быть вместе, так говорит нам большой мастер.

К огорчению Германа пресс-конференция протекала довольно вяло, ему задали всего несколько вопросов. Причем, половину из них весьма условно можно было отнести к теме, ради которой все и собрались здесь. Впрочем, утешал он себя, что эти люди понимают в творчестве Марка Шнейдера, для них он скорее напоминает некое экзотическое растение, привлекающее всеобщее внимание своей необычностью и редкостью; даже он, проведший наедине с его книгами сотни часов, и то не считают, что по-настоящему постиг загадку его творчества. И все же он гордится тем, что именно он – обладатель самого глубокого понимания его произведений, что именно он больше всех в мире знает о них.

Герман стал раздавать свои книги, подписывая их тем, кто просил об этом. На этом официальная часть презентации завершилась, официант распахнул дверь в соседний зал, где стоял накрытый стол. Все дружно, толкая друг друга, потянулись туда. Через минуту все уже облепили угощение, из бутылок в бокалы полились вино и напитки, а кушанья с невероятной быстротой стали испаряться с тарелок.

Герман разочарованно смотрел на жадно едящую и обильно пьющую публику. И ради чего он столько времени напряженно работал, ради того, чтобы два десятка человек сумели за его счет набить себе желудки, забыв о том, с какой целью они сюда явились, а затем преспокойно убралась бы восвояси, радуясь тому, что сумели бесплатно и вкусно поесть.

– Могу ли я говорить с вами, мистер Фалин? – вдруг услышал он рядом с собой чей-то голос. Перед Германом с бокалом в руке стоял высокий человек в дорогом костюме. Его он заметил еще на пресс-конференции, кажется, он был единственный, кто что-то все время записывал в блокнот красивой с золотым пером ручкой. Тогда Герману показалось, что это человек – иностранец, предположительно американец. Теперь же неправильный, с сильным акцентом русский язык полностью подтверждал догадку Германа.

– Мне трудно говорить по-русски, но я все же попробую, – проговорил иностранец.

– Мы можем говорить по-английски, – сказал Герман.

– О это замечательно! – пришел почти в детский восторг иностранец. – Позвольте представиться: Кристофер Хейг, один из владельцев нью-йоркского издательства «Братья Хейг». Как вы можете легко догадаться, я один из этих самых братьев. Младший из них. Вот моя визитная карточка.

Теперь Герман вспомнил, что слышал об этом издательстве, кажется, ему о нем говорил Филонов, оно издало одну из его книг. Невольно Герман почувствовал, как мгновенно напряглось все его тело.

– Сейчас в Америки самый настоящий бум на книги вашего Марка Шнейдера, – продолжал американец. – И когда я узнал о том, что здесь в Москве выходит о нем ваша книга, то я заинтересовался. Мне удалось достать один экземпляр, так что я знаком с ее содержанием. Вы удивлены, – засмеялся Хейг, заметив выражение лица Германа. – Но у меня тут есть свои маленькие возможности. Кроме того, со мной здесь работают замечательные переводчики, и они перевели вашу книгу за несколько дней. Приходится быть оперативным. Конкуренция.

Герман почувствовал, как у него учащенно забилося сердце. Неужели он все же не зря провел сегодняшнюю презентацию, не зря затратил столько на ее средств, и удача все-таки постучалась в его дверь.

– Меня заинтересовала ваша работа. Честно вам скажу, что я не все понял в ней. Но это и не важно, для того, чтобы все понимать, я держу специальных сотрудников, – в очередной раз широко улыбнулся Хейг. – Однако у меня создалось впечатление, что ваша книга может оказаться весьма своевременной. В Штатах сейчас немало людей, которые хотят знать как можно больше о мистере Шнейдере. Если вы не возражаете, оставьте мне ваш телефон, и тогда через несколько дней мы сможем продолжить нашу беседу.

– Конечно, с большим удовольствием, – поспешно проговорил Герман, извлекая из кармана свою визитку. Краем глазом он увидел Филонова; тот внимательно наблюдал за ними. Их взгляды встретились, Филонов улыбнулся Герману и приветливо поднял руку. И все же Герман успел заметить в глазах Филонова какое-то странное, идущее в разрез с общим его видом выражение.

Герман снова остался один. Вокруг него все так же пили и ели, он прислушивался к разговорам, которые по мере того, как в бутылках уменьшалось их содержимое, становились все громче. Он еще питал слабую надежду, что хоть кто-то еще помнит об его монографии, но уже никто не вспоминал ни о нем самом, ни о его книге, каждый был занят исключительно собой и теми кушаньями, которые поглощал. Герман понимал, что так в сущности и должно было быть, иного ждать просто наивно. И все же он чувствовал обиду, неужели здесь нет никого, кого хоть немного интересует его труд, творчество Марка Шнейдера. Неужели при виде обильной и дармовой еды у людей тут же пропадают все другие мысли и интересы. И в это мгновение он увидел, как к нему направляется какой-то незнакомый ему человек.

– Дорогой Герман Эдуардович, прошу великодушно прощения, но если у вас есть свободная минутка, то был бы несказанно счастлив перекинуться с вами хотя бы одним словом, – с легким смешком обратился к нему он.

Человек выглядел довольно странно; прежде всего, он был какого-то неопределенного возраста, его внешность позволяла ему одновременно быть как ровесником Германа, так и старше его лет на двадцать. На нем был отлично сшитый темно-синий костюм, но сидел он так словно его никогда не гладили; и брюки и пиджак все были в складках и вмятинах.

– Я рад с вами поговорить, – сказал осторожно Герман, не испытывая большой радости от приобретения такого собеседника.

– Вы, естественно, никогда обо мне не слышали, хотя моя фамилия вам хорошо известна, так как моя фамилия Иванов. А зовут меня Никита Петрович. Вам, конечно, хочется знать, чем я занимаюсь. С удовольствием отвечу на ваш невысказанный вопрос. Я вкладываю деньги в разные проекты и в разных людей. У меня очень обширный круг интересов.

– Я рад за вас. – Почему-то этот человек не понравился Герману с первого взгляда, его манеры и поведение вызывали у него какую-то настороженность и неприязнь.

– Я очень хорошо вас понимаю и одобряю, вы не можете доверять незнакомому человеку с первой минуты своего знакомства с ним, – словно прочитал Иванов мысли Германа. – И совершенно правильно поступаете, я сам никогда не полагаюсь на чужие слова. Пока все досконально не проверю, не разведу никогда не приступаю к делу. Может, в этом и кроется причина моих успехов. Как вы полагаете?

– Мне трудно что-то сказать. В любом случае у меня нет никаких пока оснований вам не доверять.

– Да нет, я же вижу. Хочу вас предупредить сразу, у моего организма есть одна особенность, я очень хорошо чувствую состояние собеседника.

– Ну если вы на этом настаиваете. – Внезапно Герман ощутил прилив раздражения. – И все же я пока не понимаю, чем могу быть вам полезен?

– А почему вы думаете, что вы мне можете быть полезны. Может быть, это я хочу быть вам полезным.

– Чем же?

– Ну, к примеру, вложу в вас часть своего капитала. Вы умны, молоды, талантливы.

– Но я не совсем понимаю, каким образом я могу вам принести прибыль. То, чем я занимаюсь, доходным делом не назовешь.

– Но почему вы считаете, что в данном случае меня интересует прибыль? Или вы не допускаете, что у меня могут быть и другие соображения?

– А можно узнать, какие?

– Разные. Только прошу вас не считать, что я от вас что-то скрываю, но просто приступая к очередному делу, никогда не знаешь, что из него может вылупиться.

– В этом я с вами согласен.

– Вот видите, – обрадовался Иванов, – мы уже нашли с вами первую точку соприкосновения. Не считите за назойливость, но очень бы желал познакомиться с вами поближе. Начиная новое дело, всегда хочется свести риск к минимуму. Не осмеливаюсь просить вас о близком знакомстве, но все же хотелось бы немного с вами пообщаться. Знаете, непринужденная беседа иногда стоит больше, чем любые деловые переговоры или заочный сбор сведений. А как еще можно узнать человека, ухватить самую его суть.

– Пожалуйста, я готов в любое удобное для вас время. – Второй раз за вечер Герман достал из кармана визитную карточку. – Тут все мои координаты, звоните, и мы обо всем договоримся.

– Премного вам благодарен, – проговорил Иванов, пряча в карман визитку. – А вот вам моя визиточка, тоже на всякий случай. Вдруг попадется она как-нибудь вам на глаза, и вы вспомните о нашем приятном разговоре. Значит, до встречи.

Иванов отошел от Германа, и почти сразу же началось всеобщее прощание. Герман пожимал руки людей, благодаривших его за устроенный им прием, а затем они поспешно исчезали в проеме дверей.

Домой на окраину Москвы Германа сначала доставило метро, затем еще пятнадцать минут неторопливо, спотыкаясь на бесчисленных колдобинах, вез автобус. Герман вошел в свою однокомнатную небольшую квартирку, снял пиджак, сел на диван и закрыл глаза. Он пытался разобраться, что же произошло сегодня вечером, какие результаты принес ему этот можно уже сказать прошедший день? Его ожидания сбылись и не сбылись, все же два результативных контакта у него произошло. Правда разговор с этим Ивановым ему не слишком понравился и не слишком обнадежил; вряд ли он будет иметь какое-нибудь полезное продолжение. А вот американец видно сразу человек деловой и, кажется, заинтересовался им всерьез. И все же он надеялся на большее, он не учел того факта, что людей, кроме их самих ничего больше всерьез не интересует. Что им до Марка Шнейдера и уж тем более, какое им дело до книги о нем какого-то там Германа Фалина. Но, так или иначе, он написал и издал свой труд, а это было очень нелегкой задачей. А потому у него еще не погибла надежда, что все сделанное им не напрасно и рано или поздно принесет свои плоды. Остается только одно – терпеливо ждать, когда они созреют на посаженном им сегодня дереве успеха.

* * *

На следующий день Герман решил поехать к Эльвире, своей бывшей жене. Официальный предлог для поездки – он должен подарить ей экземпляр своей книги. Тем более они же коллеги, хотя она давно забросила свою специальность. На самом же деле он понимал, что

едет к ней вовсе не за этим, он едет, чтобы продемонстрировать, что и без нее он способен на многое, и что он вовсе не неудачник, в чем обвинила она его, когда уходила.

До сих пор, когда он вспоминал тот вечер, кровь начинала закипать в жилах, несмотря на то, что с тех пор минуло почти два года. А он по-прежнему помнит все, что тогда происходило, чуть ли не по минутам и с такими подробностями будто все это случилось вчера.

Эльвира нередко приходила домой поздно, но в тот раз все сроки ее возвращения истекли, а ее все не было. Обычно она говорила в таких случаях, что задерживается у одной из своих многочисленных подруг. Он старался не думать о том, правда ли это или нет. И уж тем более не предпринимал никаких шагов, дабы проверить истинность ее слов. Но текли минуты и часы, а она все не появлялась, и он терялся в догадках, где она может так сильно задержаться. Внезапно входная дверь с шумом распахнулась, он услышал быстрый цокот ее каблуков, и через секунду она показалась сама. Эльвира без сил упала в кресло и несколько мгновений сидела неподвижно, словно отдыхая после долгого пути или тяжелой работы.

– Чертовски устала я, Герман, – сказала она. – Ничего не хочется делать, ни о чем говорить. Завалилась бы просто спать. Но придется, откладывать больше нельзя.

– Тебе опять понадобились деньги? – спросил он.

– Да что ты, Герман, какие деньги, их у меня сколько угодно. Могу тебе дать.

– Это что-то новое, ты нашла клад? – Он еще не чувствовал настоящей тревоги, их разговор пока протекал в обычном русле, по крайней мере в последнее время они часто пререкались подобным образом. И сейчас он думал, что она ведет их беседу в своей привычной манере.

– В каком-то смысле нашла. – Эльвира закурила длинную и тонкую сигарету. – Герман, отнесись к моим словам серьезно и спокойно, это не шутка. Я ухожу от тебя.

Он сразу почему-то понял, что на этот раз она говорит правду, и как подкошенный рухнул на диван.

– У меня есть другой мужчина, и я выхожу за него замуж.

– И долго он у тебя.

– Почти год, – не сразу ответила Эльвира.

– Год! Ты хочешь сказать, что обманывала меня целый год!

– Ты правильно понял, именно это я и хочу тебе сказать.

– Кто он, я хочу знать, кто он. Я убью его! – уже почти не владея собой, зарычал Герман.

– Успокойся и не делай из этого трагедии. Тем более, никого ты не убьешь. Это даже не смешно.

Ее слова, словно холодные струи дождя, немного охладили его пыл.

– Могу поспорить, что он богат, – до предела наполняя голос ядом сарказма, произнес Герман.

– Да, богат, – спокойно подтвердила Эльвира. – А что в этом плохого. У него своя крупная экспортная фирма, и он постоянно мотается за границу.

Внезапно его озарило.

– Это с ним ты ездила на юг, а не с подружкой.

– Ты очень догадлив. Естественно, с ним, с кем же еще. Кто-то должен был мне оплатить мое путешествие. Вспомни, ты мне дал столько денег, что их едва хватило на дорогу.

– Сколько было, столько и дал. Зато дал все.

– Я ценю твою щедрость, милый, но она меня больше не устраивает. Щедрость нищего, согласишься, чтобы ее выдержать требуется чересчур много терпения. А ты же знаешь, у меня его всегда было мало. Послушай, Герман, мы не в театре, давай обойдемся без лишних сцен и истерик. Мы взрослые люди и нет смысла обманывать друг друга. Наша совместная жизнь не удалась. И не надо ей, как утопленнику, делать искусственное дыхание. Оно все равно не поможет.

– Но ведь это не так! Вспомни, как мы были счастливы в первый год. Мы старались не расставаться даже на один час.

– Это было так давно, Герман, а что было давно, то, как тебе известно, неправда. Мы были молоды, жили чувствами. Или ты полагаешь, что все это может продолжаться бесконечно? Что ты способен предложить нам с дочерью сейчас. Кроме бедности и унылого существования – ничего. Или я ошибаюсь?

– Но ты же знаешь, я пишу книгу. Когда она появится, все изменится.

– Не смейся, что может измениться после появления твоей книги. Уверю, ты получишь за нее гроши, а затем ее благополучно забудут.

– Еще недавно ты думала совсем по-другому.

– Я думала так же, как и сейчас. Мне просто не хотелось тебя расстраивать, гасить твой энтузиазм. Меня удивляет в этой ситуации только одно: ты настолько ослеплен, что веришь собственным же иллюзиям. По-моему, это высшая степень глупости и беспечности. А ведь у тебя семья. Как можно полагаться на такого человека, как ты. Что касается меня, то я всегда мечтала быть хозяйкой богатого дома. И не больше. Принимать гостей, обставлять квартиру, ездить туда, куда захочу, покупать то, что мне нравится. Сейчас мне все это предлагают. И я не собираюсь отказываться.

– Я прошу, подожди немного, все это будет у тебя.

– Откуда? Ты получишь наследство от американского дядюшки. Послушай, я давно все для себя решила и только ждала момента, когда появится Андрей. Теперь он появился и настала пора выполнить задуманное.

– А как же Анжела?

– Не волнуйся, с ней все в порядке, она будет жить с нами. У нее будет отдельная комната. А когда она вырастет, мы купим ей квартиру.

– И что она уже там, у него? – с испугом спросил он.

– Тебе же известно, что она сейчас у моей мамы.

– А она знает, что ты от меня уходишь?

– Да, я сказала ей.

– И как она отнеслась к этому великому событию в твоей жизни?

– Ты знаешь, гораздо спокойней, чем ты. Когда я ее привезла в новую квартиру, где ей предстоит жить, то она все сразу смекнула.

– В угоду своим прихотям ты отнимаешь у ребенка отца.

– Никого я у нее не отнимаю. Ты можешь видеть ее столько сколько захочешь. Да и Андрей отличный человек, я не сомневаюсь, что они подружатся. Я все сказала, теперь уж извини, но мне нужно собрать свои вещи.

– Ты уходишь прямо сейчас?

– Прямо сейчас. Во дворе меня ждет машина.

Из прихожей Эльвира принесла два больших элегантных чемодана, раскрыла их и, словно добычу в пасть, стала небрежно кидать туда вещи. Он молча наблюдал за ней; она никогда не отличалась чрезмерной аккуратностью и сейчас тоже не изменила себе; она даже не пыталась сложить свои платья и кофточки так, чтобы они меньше смялись. Молния одного из саквояжей никак не закрывалась, и Эльвира умоляюще посмотрела на него; он встал, прижал коленом крышку и застегнул его.

– Ну, вот и все, мой дорогой Герман, – без всяких признаков грусти проговорила она. – Посижу перед дальней дорогой в новую жизнь. – Эльвира присела на кончик кресла, но почти тут же вскочила. – Вот тебе мой новый адрес, когда захочешь навестить меня или дочь приходи в любое время. Естественно, кроме ночи, – засмеялась она. – Давай тебя поцелую на прощание.

– Не надо, – зло сказал он, – обойдусь.

– Ну как хочешь, а я по старой памяти хотела доставить тебе приятное.

Дверь хлопнула. С трудом передвигая ставшими ватными ноги, он подошел к окну. Волоча за собой чемоданы, Эльвира вышла из подъезда. И сразу к ней навстречу бросился мужчина. Он подхватил поклажу и стал грузить ее в «Мерседес». Еще через минуту машина исчезла со двора.

Так начался один из самых страшных месяцев в его жизни, когда мысль о самоубийстве, кажется, не покидала его даже во сне. Его распаленное сознание то и дело рисовало ужасные картины мести. Он метался по городу, искал забвение в алкоголе, но все было тщетно. Перец на рану добавляло еще то, что дочь на удивление легко пережила расставание с ним, очень быстро освоилась в своих новых огромных владениях. Временами он даже не знал, на кого он негодует сильнее – на нее или жену, обе одинаково равнодушно предали его. Угнетало Германа и то, что ему во время своих посещениях даже нечего было принести Анжелике в качестве гостинца; у нее сразу же появилось все и в любых количествах. И при редких с ней встречах они в основном молча смотрели друг на друга, чувствуя обоюдное смущение оттого, что не знают о чем говорить. Кончилось это тем, что он почти перестал ходить к ним, лучше уж не видеть совсем своего ребенка, чем видеть ее безучастное отношение к отцу.

Обида была такой сильной, что он думал, что она никогда не зарубцуется, и он всю жизнь обречен ходить с этой кровавой раны. Но он ошибался; время постепенно начало свой исцелительный процесс, колющее острие боли стало притупляться. Он все спокойнее переносил и уход жены и разлука с Анжелой, все больше свыкаясь с новой реальностью.

Познакомился он и с новым мужем Эльвиры. Почему-то Герману казалось, что это уже совсем пожилой человек, но Андрей оказался значительно моложе его. Это обстоятельство лишь усилило его неприязнь к нему. Что же касается Андрея, то тот держался благожелательно, при первой встрече тщательно выпытывал, какие и где он имеет связи. Но как только понял, что толку от Германа для него не будет, сразу же потерял к нему интерес.

И вот настал долгожданный час, когда он может хоть в какой-то степени удовлетворить свое давнее и затаившееся, словно в норке змея чувство мести.

Эльвира встретила его в шелковом халате, надетым по своей старой привычке прямо на голое тело. На миг он представил его под этим мягким шелком, и у него пересохло в горле.

– Проходи, я ждала тебя, – сказала Эльвира.

– Ждала меня? – удивился Герман.

– Ну не то, что ты придешь именно сегодня. Но то, что ты пожалуешь в ближайшие дни, я не сомневалась.

Они сели на мягкий диван. Своими тонкими длинными пальцами Эльвира сжимала такую же тонкую длинную сигарету.

– Я принес тебе подарок, – проговорил Герман. – Такой подарок нельзя купить за деньги, его можно только сотворить своими руками и головой. – Это был недвусмысленный намек на ее мужа – Это моя книга о Марке Шнейдера, вчера состоялась ее презентация.

– Я знаю, Герман. Более того, я ее уже прочла. Ты молодец, мне понравилось.

– Но где ты могла ее взять, она еще не поступала в магазины?

– Пора открыть тебе маленький секрет. В издательстве, где она печаталась, сколько-то там процентов акций принадлежит Андрею. Это я просила его помочь тебе и издать книгу в убыток. Или ты полагаешь, что в наше время книга литературоведа способна принести прибыль?

Это был сильный удар, но он постарался стоически выдержать это испытание.

– Значит, выходом этой книги я обязан тебе.

– Да, милый Герман. Я понимаю, что тебе хотелось доказать мне, что и ты на что-то способен, но, как видишь, не получилось. Но ты не расстраивайся, на меня твои доказатель-

ства все равно бы не произвели впечатления. Я все про тебя знаю. Так что лучше просто поблагодари меня и поцелуй в щеку.

– Спасибо, – хмуро сказал Герман. – А где же Анжела?

– Она уехала вместе с Андреем в Англию. У него там какие-то срочные дела, и он решил взять с собой девочку показать ей страну.

– Почему же ты меня не предупредила об этой поездке?

– А ты разве против ее путешествия в Англию?

– Нет, конечно, – пробормотал Герман.

– Но вот видишь, в чем же тогда дело?

– И все-таки мне хочется знать, где в данный момент находится моя дочь.

– Хорошо, я тебя буду извещать об ее перемещениях, – усмехнулась Эльвира и словно шалью запахла плотным облаком сигаретного дыма.

Эльвира провела его на кухню и стала поить чаем. Герман молча наблюдал за ней и не мог не признать, что в этой огромной квартире она смотрится очень органично.

– Знаешь, мне действительно понравилась твоя книжка, – вдруг сказала она. – Я там нашла немало любопытных мыслей. Ты совершил рывок вперед. Меня это радует. Если меня сейчас интересовали бы эти проблемы, я бы с удовольствием подискутировала бы с тобой. Но, слава богу, все это ушло от меня навсегда и я могу позволить себе не думать о Марке Шнейдере и его гениальных книгах. Да и кому они сейчас нужны? Скажи мне, неужели тебя в самом деле все это волнует. Я окончательно поняла то, о чем догадывалась и раньше: человек не должен размышлять обо всех этих бредовых вопросах, касающихся смысла жизни и прочего. Ничего, кроме мизантропии, они не приносят. Все несчастья от таких людей.

– Но когда-то мы с тобой одинаково восхищались его книгами.

– Каждый человек должен пройти через испытание глупостью. Все отличия между людьми заключаются в том, что одни растягивают его на всю жизнь, другие же успевают его завершить вовремя и пожить нормальной человеческой жизнью.

– Если исходить из твоих слов, то у меня этот период все еще продолжается и конца ему не видно.

– Ты романтик, который страстно мечтает превратиться в прагматика. А эти два вида человеческих особей несовместимы. Поэтому из тебя по-настоящему не получается ни тот, ни другой.

– Поэтому-то ты и ушла от меня?

– В какой-то степени – да. Я убедилась, что ты бесперспективен. Твой удел – это вечные метания между двумя крайностями. И мне совсем не улыбалось всю жизнь метаться вместе с тобой. Хочешь совет?

– Давай.

– Я знаю, что ты давно и страстно мечтаешь о больших деньгах. Но у тебя их никогда не будет. Тебе надо научиться жить в нищете.

Герман почувствовал раздражение.

– Не думаю, что это мой удел. И ты в этом еще убедишься. Деньги можно заработать и головой, а не только торговлей национальными богатствами.

Эльвира рассмеялась, Герман вдруг почувствовал себя идиотом. Он всегда проигрывал ей, она умела одним жестом или несколькими словами показать ему, насколько он глуп, наивен и невыдержан.

– Хотя ты старательно разыгрываешь из себя современного человека, на самом деле ты переполнен самыми старыми предрассудками. У тебя весь набор качеств классического обывателя. Знаешь, даже в сексе ты какой-то старомодный. Мне всегда не хватало какой-то искры, какой-то новизны, когда я занималась с тобой любовью. И не удивительно, ведь все свои силы ты тратишь на удовлетворение своего больного самолюбия. И Марк Шнейдер

тебя интересует не больше, чем марсиане. В книге это заметно. Учти мое замечание, может быть, оно поможет тебе в дальнейшей работе.

Герман в очередной раз почувствовал раздражение, менторский тон, который с некоторых пор Эльвира усвоила в общении с ним, всякий раз выводил его из себя. Но что-либо возразить ей сейчас он не мог, наоборот, он должен благодарить ее за помощь в издание книги.

– Хорошо, в следующий раз я непременно учту твои замечания. И даже в предисловие укажу, чьими ценными советами я воспользовался. А теперь мне бы хотелось откланяться.

Если бы не Анжела, ноги моей не было бы в этом доме, думал Герман, шагая по улице. Он понимал, что Эльвира своим благодеянием опять переиграла его, вновь продемонстрировала свое превосходство над ним. А он-то дурак радовался своему успеху, удивлялся, почему столь легко издатели взяли в производство его книгу, приписывая это обстоятельство ее неопределимым достоинствам. Как он мог быть таким наивным, как не почувствовал какого-то подвоха? Единственное объяснение – это его непроходимая глупость и самонадеянность. Им вдруг вновь овладело уже немного ослабевшее желание мести. Неужели когда-нибудь наступит блаженная минута, когда ему удастся отомстить за все перенесенные им унижения Эльвире, а заодно и ее муженьку. Это будет самое сладкое мгновение его жизни, мгновение, которое сделает его пусть на миг, но счастливым.

Герман посмотрел на часы; вечером он обещал заскочить к Натэлле, но до этого еще далеко, а пока ему следует заняться другими делами. Дома лежала незавершенная статья, заказанная ему одним журналом, но заниматься ею не хотелось, хотя в отличии от Эльвиры, которую судьба освободила от этой заботы, он должен постоянно думать о хлебе насущном. А значит, ему придется ехать к себе и садиться за письменный стол.

Около года назад в доме журналистов должен был состояться вечер, посвященный творчеству Марку Шнейдеру. Герман поплелся туда без всякого желания; состав выступающих так и вероятное содержание их выступлений не вызывали у него никакого энтузиазма. Случайно он забрел не в тот зал; в небольшом помещении собралось два десятка юнцов и девиц одетые словно солдаты одинаково – в джинсы и засаленные свитера и почти все как один – патлатые. Стихи читал совершенно неизвестный ему поэт, и Герман решил задержаться здесь ненадолго, не столько заинтересовавшись его поэзией, сколько царившей в зале атмосферой характерной для такого типично непризнанного гением сборища. Он сел на единственной свободный стул, стоявший в последнем ряду. Внезапно перед ним выросла высокая и худая девица в очень коротком платье из которого высывались длинные и тощие ноги. Она явно находилась в напряженном поиске незанятого места. Увы, таковых не было видно. Внезапно с ее губ слетел раздраженный возглас. Герман неожиданно для себя вдруг предложил присесть ему на колени. Девушка смерила его изучающим взглядом, словно пытаясь определить, не безопасно ли это для нее, а затем, не говоря ни слова, села ему на ноги.

Начали они этот вечер с его колен, а кончили они его в постели Германа. Сначала ему казалось, что это случайная интрижка, на один вечер и на одну ночь. С этой мыслью он и выпроводил ее на следующее утро из своей квартиры.

Но через несколько дней, когда его в очередной раз охватил приступ хандры, он позвонил ей, и она тут же, словно «Скорая помощь» на срочный вызов, примчалась к нему домой. Они провели вместе весь день и ночь любви, Герман по достоинству оценил ее преданность и ту самоотдачу, с которой она занималась сексом.

Постепенно он привязался к ней, но ни о чем серьезном не помышлял. Натэлла, помимо того, что трудилась корректором в одной из столичных газет, была еще по совместительству и поэтессой. Впрочем, на самом деле она была и не Натэллой, а Наташей, но это имя казалось ей чересчур неинтересным и прозаическим. Но несмотря даже на такое переименование ее стихи не нравились ему, они казались ему одновременно банальными и пре-

тенциозными. Но к своему удивлению он вскоре убедился, что ее поэзия пользуется определенным успехом; однажды с помощью одного своего знакомого, работающего на радио, ему удалось вытащить ее в эфир, где она прочитала несколько своих виршей. В ответ на передачу пришла пачка писем, которую Натэлла с гордостью продемонстрировала ему. Потом какой-то композитор написал на ее стихи песню, быстро превратившуюся хотя и на весьма непродолжительное время в довольно модный шлягер. Затем каким-то чудесным образом ей удалось напечатать свой сборник, правда, тиражом всего в тысячу экземпляров. Но это была настоящая книжка, которую она раздавала всем подряд, украшая ее своим автографом.

Натэлла обитала в небольшой двухкомнатной квартире вместе с матерью, на взгляд Германа весьма странной особой, которая, как казалось ему, совершенно не интересовалась жизнью дочери. Хотя он бывал у них достаточно часто, он не был даже уверен, отпечталось ли его имя вместе с его образом в ее мозгу. По крайней мере всякий раз, когда он с ней здоровался, она удивленно вскидывала на него глаза и бормотала что-то совершенно нечленораздельное.

Когда он приехал к Натэлле, она встретила его в халате с мокрыми торчащими в разные стороны, словно иглы ежа волосами. Герман почувствовал раздражение; по опыту он знал, чтобы привести себя в порядок, ей понадобится почти час.

– Знаю, знаю, ты сердишься, – проворковала Натэлла и выпорхнула из халата, представ перед ним в обнаженном виде. Дав несколько секунд полюбоваться на себя, она затем без всякого смущения в том же виде села перед зеркалом и включила фен.

Он не испытывал огромного восторга от ее фигуры; Натэлла на его вкус была слишком худа: тоненькие ноги, впалый живот и торчащие двумя маленькими трамплинчиками груди. Эльвира тоже была поджарой, но у нее были полные бедра и роскошная грудь – это сочетание доводила его до экстаза еще до того, как он начинал ласкать ее тело.

Как он и предполагал, они вышли из дома только через час. Натэлла почти полностью преобразилась, из угловатого мокрого подростка она превратилась в довольно привлекательную молодую женщину.

Этот вечер они собирались провести в одном из ночных клубов. Его владельцем являлся одноклассник Германа по институту. Их дружба возникла довольно странным образом, они ухаживали за одной и той же однокурсницей. Та же оказалась не то чересчур любвеобильной, не то ее ухажеры обладали равными достоинствами, что она подобно некогда буриданову ослу никак не могла отдать предпочтения ни одному из них, и благосклонно принимала ухаживание обоих дыхателей. Решив выяснить отношения, соперники с самыми решительными намерениями встретились в укромном месте лицом к лицу, но разошлись с миром. Вместо мордобития они пришли к соглашению, что Герман будет обладателем девушки по нечетным числам, а Анатолий – соответственно по четным. В таком мирном симбиозе, устраивавшим все три стороны, прошел год. Затем их общая возлюбленная совершенно неожиданно для них вышла замуж, но это уже не могло помешать их дружеским отношениям, даже несмотря на то, что интересы у них были абсолютно разные. Герман добросовестно долбил киркой своего интеллекта гранит филологических наук, а Анатолий все больше увлекался коммерцией, а также ночными дискотеками. Может быть поэтому, получив диплом, они как-то сразу потеряли друг друга из вида.

«Нашли» же они снова друга друга год назад; Герман под проливным дождем поджидал автобус, внезапно подкатил роскошный «BMW» и смутно знакомый голос назвал его имя.

Анатолий привез его в ночной клуб, попутно объяснив, что является одним из его совладельцев, накормил изысканным обедом. Пока Герман рассказывал ему о своем житие-бытие, Анатолий равнодушно глазел по сторонам и запивал рассказ приятеля испанским вином.

– Значит, ты все же поддался в науку, – кратко подвел итог жизни Германа Анатолий. – А я сразу после института забросил подальше свой диплом и стал заниматься бизнесом. И не жалею, теперь, как видишь, тут командую. Послушай, Герман, ты меня извини, но у меня сегодня дел по горло, вечером у нас намечается грандиозная тусовка, одна иностранная фирма празднует какой-то заключенный тут контракт, надо все подготовить. Но я с тобой не прощаюсь, я распоряжусь, чтобы тебе вручили бы карточку почетного гостя. Она позволяет один раз в месяц обедать тут бесплатно. А помнишь, Зинку, с которой мы по очереди занимались любовью, – неожиданно засмеялся он. – Она живет сейчас в Америке, замужем за каким-то богачем. Недавно приехала в Москву, вся расфуфыренная и увешенная драгоценностями, как новогодняя елка. Заявилась ко мне, стала разыгрывать из себя аристократку. Но меня на эти фокусы не поймает, затащил в свой кабинет и там по старой памяти трахнул. Визжала от радости, как поросенок, ее муженек хоть и миллионер, но уже стар для таких подвигов. Между прочим, спрашивала про тебя, жаль, что я ничего не мог сказать. А то бы тоже переспал с миллионершей. Ну, бывай, старина, мне пора.

Через минут двадцать официант действительно принес ему карточку почетного гостя. Посмаковав еще напоследок бокал испанского вина, Герман удалился восвояси.

Придя домой, Герман достал бутылку водки и, словно желая изгнать изо рта, сладкий вкус изысканного продукта испанских виноделов, осушил подряд две стопки. Затем бросился на кровать и молча пролежал два часа. Он дал себе слова, что его нога никогда больше не ступит на порог ночного клуба Анатолия. А эта дуреха из дурех Зинка, готовая лечь под любого, почему к ней привалило такое счастье? Что она сделала для того, чтобы его заполучить? Он уверен – абсолютно ничего путного. Просто ей подвалила удача. Но почему такая допускается несправедливость при ее распределении, одни трудятся в поте лица своего – и она им все равно не достается, а другие и пальцем не пошевелият, а она, словно продажная девка, сама прыгает к ним на колени. Знать бы как по каким законам она раздается на небе и что надо сделать, чтобы она заглянула бы к нему.

Свое обещание Герман не сдержал, через месяц как бы случайно проходя мимо «Ночной совы», он вдруг остановился возле входа, несколько минут постоял в задумчивости, имитируя напряженные колебания, затем медленно направился к массивным с позолоченными ручками дверям. В ночном клубе он провел целую ночь. Он бродил между игровыми столиками, смотрел на бесконечный танец рулетки, наблюдал, как после окончания ее очередного па по зеленому сукну перемещаются фишки. Он старался делать вид, что к нему все это не относится, что вся эта жадная до низменных удовольствий публика ему глубоко противна и безразлична, и что он не испытывает никакого желания оказаться среди этих людей за игровым столом.

Вдоволь послонявшись по казино, и, посидев немного в баре, Герман направился в ресторан. Показав подошедшему официанту карточку почетного гостя, он сделал заказ, выбрав наиболее дорогие блюда и напитки.

На сцене под одобрительные крики публики девушки исполняли стриптиз. Герман не отрывал взгляда от представления, запивая пикантное зрелище тонким французским вином и закусывая изысканными кушаньями.

Где-то среди ночи к нему подсел Анатолий. По его жестам и улыбке Герман определил, что его институтский приятель сильно пьян.

– Молодец, что заглянул на мой огонек, старина. Прости, но я только что узнал, что в мое заведение забрел такой дорогой гость. Как тебе этот цирк? – кивнул он на стриптезерок. – Сам всех подбирал, каждую перещупал с ног до головы, – хохотнул Анатолий. – Так что нравятся они тебе, ты мне так и не сказал?

– Нравятся, классные девочки.

– Приходи через час в мой кабинет. Не пожалеешь, – пообещал Анатолий.

Через час Герман был в кабинете Анатолия.

Анатолий полусидел, полулежал в кресле, держа в руках бокал с вином.

– Молодец, что зашел, – небрежно обронил он, запивая свои слова большим глотком вина. – Девочку хочешь. Высмотрел какую-нибудь? Ладно, старина, ничего не говори, я еще помню твои вкусы. Тем более они у нас когда-то совпадали.

Через несколько минут в кабинете появилась девушка в короткой юбочке, которая обнажала ее длинные ноги и с большой, рвущейся на свободу из тугой майки, словно заключенные из тюрьмы, грудью. Анатолий был прав, он действительно не забыл вкусов Германа, он, Герман, заметил ее еще на сцене, когда она в такт музыки медленными плавными движениями освобождалась от одежды.

– Сегодня, какое число? – спросил Анатолий. – Четное. Значит, я первый. Придется, старина, подождать.

Из кабинета дверь вела в небольшую комнату для утех, как сразу смекнул Герман. Там стояла кровать и бар, сверху лился голубоватый свет, создавая интимную обстановку. Анатолий сдернул с ложа любви покрывало и швырнул его на пол.

– А ты пока посиди в кресле, – кивнул Анатолий Герману. – Если хочешь, можешь принять. В баре есть все на любой вкус.

Герман сидел в кресле, отхлебывая из бокала какое-то вино – он, наливая его, даже не посмотрел на этикетку – и наблюдал, как занимается пара любовью. Девушка без всякого сомнения была мастерицей своего дела, но как ни странно он не испытывал сейчас никакого вожделения. Он чувствовал себя опустошенным, случайным гостем на чужом пиру. Ему даже хотелось уйти отсюда, вернуться в свою маленькую и одинокую квартирку, где его никто не ждет, но где он не ощущает своего постоянного унижения, своей ущербности. Анатолий встал с постели и, не одеваясь, плюхнулся в соседнее от Германа кресло, налил себе из бутылки – и одним глотком осушил бокал. Девушка, обнаженная, лежала на кровати, не обращая внимания на мужчин как будто бы их и не было в комнате. То, что она откровенно демонстрировала полное равнодушие к его особе, обижало и злило Германа.

– Подожди ты наш нетерпеливый, – догадался об его состоянии Анатолий. – Видишь, девушка устала. Сейчас немного отдохнет и займется тобой. Ты что забыл, как утомляет это дело. Давно им не занимался, – засмеялся он.

Впрочем, все дальнейшее прошло не так уж и плохо. Жрица любви, восстановив силы, проявила пылкий темперамент и высокий уровень профессионального мастерства, – и Герман остался доволен. Понравилось ему и то, что его партнерша тоже получила немалое удовольствие; ему во что бы то ни стало хотелось превзойти Анатолия и кажется удалось; после того, как стриптезерша кончила, она прилегла рядом с ним и благодарно поцеловала в щеку.

С этого момента Герман регулярно посещал ночной клуб раз в месяц, но Анатолий больше не угощал его подобным блюдом и вообще общался с ним мало, на ходу бросая несколько ничего не значащих ироничных реплик.

Сначала Герман решил повести Натэллу в казино, он знал, что круговорот огромных сумм на игровых столиках произведет на нее сильное впечатление. Деньги она любила, но в тоже время расставалась с ними, как с ненужным хламом, невероятно легко, могла потратить все до копейки на любой приглянувшийся ей пустяк – и остаться без обеда.

Герман с интересом наблюдал за ней, она смотрела на столпившихся вокруг рулетки людей, как смотрит ребенок на полный прилавок игрушек.

– Как здорово, – прошептала она. – Никогда не видела столько богачей в одном месте. Вот бы и мне хоть разок сыграть.

– Всех наших с тобой доходов за всю жизнь не хватит на то, чтобы хоть раз поставить здесь на один кон в рулетку, – усмехнулся он.

В ресторане заиграла музыка. Герман взял свою спутницу за руку и повел в зал.

Натэлла долго и тщательно, словно ей попался какой-то сложный тест, изучала меню.

– И я могу все это заказать? – подняла она него изумленные глаза.

– Можешь. Ты можешь заказать все, что тебе заблагорассудится. И вообще, мы сегодня кутим, ты же знаешь, какое у меня произошло событие. – Он решил не сообщать ей, что этот пир оплачивается не им, а его карточкой почетного гостя.

– Какой ты щедрый! – восторженно воскликнула Натэлла.

Герман понимал, что сегодняшней вечер возносит его в ее глазах на невероятную высоту, приобщает в ее представление к сонму сильных и богатых мира сего. Ну что ж, пусть хотя бы кто-то думает о нем так, разочаровывать ее он не станет.

Герману не слишком нравилось совершать с ней совместные трапезы, так как Натэлла обычно ела быстро и жадно, как голодный зверек. Но на этот раз она словно преобразилась, она не спеша отправляла в рот маленькие кусочки пищи, запивая их такими же маленькими глоточками вина.

Ее поведение совершенно изменилось, перед ним сидела по-настоящему светская девушка, воспитанная не матерью-алкоголичкой, а гувернанткой или воспитателями из благородного пансиона. Внезапно в нем может быть впервые за все время их знакомства пробудился к ней сильный интерес; и в самом деле что это за странное создание сидит с ним за одним столом, из какого хранилища она вдруг достала эти свои аристократические манеры, которые с такой непринужденностью демонстрирует сейчас ему. До сих пор он никогда все-речь не размышлял о ней, она была нужна ему для того, чтобы разбавлять собой его мужское одиночество, удовлетворять его сексуальные потребности. Но ведь она тоже человек, и она появилась на свет не только для того, чтобы быть игрушкой в его руках, у нее есть своя жизнь со своими желаниями.

– Ты довольна своей жизнью, Натэлла? – вдруг спросил он.

– Довольна жизнью? – удивилась она. – Ты меня об этом спрашиваешь?

– А почему я не могу тебя об этом спросить?

– Ну не знаю, – протянула она. – Я как-то не ожидала от тебя такого вопроса.

– Интересно, за кого же ты меня принимаешь? – Герман видел по ее лицу, что ей не хочется отвечать на последний вопрос. Ладно, пока он не будет настаивать, в конце концов, он не дурак и понимает, почему она молчит. – Но все-таки скажи мне, ты довольна своей жизнью? Мы знакомы не первый день, и мне интересно знать это.

– Если ты настаиваешь, я могу тебе ответить: я не довольна своей жизнью.

– Почему?

– По многим причинам.

– Назови хотя бы основные.

– Я хочу быть поэтом, а у меня ничего не получается.

– Как не получается, ты мне все уши прожужжала про свои успехи.

– Мне не нравятся мои стихи, я знаю, что они подражательские. И ты это знаешь, хотя никогда мне об это мне говоришь.

Бог мой, он всегда считал ее по большому счету обычной дурехой, не сознающей подлинный смысл собственных поступков. Но на самом деле она гораздо лучше, чем он думал до сих пор, разбирается в реальной ситуации.

– Но почему ты так думаешь, может быть, я как раз считаю твои стихи хорошими.

– Не заливай, Герман. Когда я читаю тебе свои стихи, то всегда слежу за выражением твоего лица. В отличие от того, что иногда ты мне говоришь, оно гораздо правдивее отражает твои мысли. И ничего, кроме скуки, на нем не бывает.

– Но я не специалист по поэзии, я могу и ошибаться.

– Причем тут специалист или не специалист, просто людей не задевают мои стихи. Да и я сама не дурочка, думаешь, ничего не понимаю.

– Ладно, со стихами разобрались. А что еще вызывает твое недовольство?

– Ты меня не любишь.

– Вот те на! – разыграл удивление Герман. – Мы с тобой уже столько времени, но ты считаешь, что я тебя не люблю. Почему же я тогда не ухожу от тебя?

– Тебе скучно, ты чувствуешь пустоту вокруг себя. Вот я ее и заполняю. Я удобна для тебя, ты можешь меня трахать и ничего не обещать. А я ни о чем тебя не прошу. Ты считаешь, что делаешь меня счастливой только уже тем, что оказываешь мне внимание. Я для тебя словно заводная игрушка, которую ты заводишь, когда тебе скучно. Завод кончается, и ты меня откладываешь в сторону до следующего раза. А ведь я люблю тебя.

«Только этого мне и не хватало» – тоскливо подумал Герман. Он уже раскаялся, что совершенно неожиданно для себя завел этот, как оказалось, довольно опасный разговор.

– Это не так, – сказал он, – ты мне далеко не безразлична, ты занимаешь в моей жизни определенное место.

– Ты верно сказал, определенное. А мне хочется совсем не этого, я хочу быть с тобой всегда и везде. Ты первый мой настоящий мужчина, до тебя у меня были одни пригостишки. Мы поедем сегодня к тебе?

Герман кивнул головой. На сцене девушки в который уже раз сбрасывали с себя одежду; среди стриптизерок была и та, с которой он занимался любовью в комнате для утех Анатолия. Может, стоит поделиться своими воспоминаниями с Натэллой, как она отнесется к ним? И зачем он только затеял этот разговор, в результате он услышал много лишнего, чего он вовсе не жаждал знать. И теперь их отношения уже не могут быть такими безмятежными, как раньше. Отныне он вынужден остерегаться ее, сегодня он понял, что она совсем не такая, как он думал, и ему теперь придется постоянно блуждать по ее внутреннему миру, всякий раз опасаясь зайти туда, куда он вовсе не желает попадать. Но что же ему в таком случае делать, полюбить ее он все равно никогда не сможет, а расстаться же с ней он сейчас не готов.

В середине ночи они покинули ночной клуб и, поймав такси, отправились к нему домой, где неистово стали заниматься любовью. И впервые за все время их связи Герман почему-то не надел презерватива.

* * *

Утром, когда они еще спали, прозвенел звонок, который Герман с нетерпением ждал все эти дни. Звонила секретарша Хейга, она предложила ему приехать в офис к младшему из братьев для ведения переговоров.

Герман тут же бесцеремонно растолкал все еще сладко почивавшую Натэллу, чуть ли не на руках отнес ее в ванную, затем заставил девушку быстро пожарить ему яичницу и сварить кофе. Сам же он это время занимался тем, что приводил себя в порядок: до синевы выбрил щеки, которые затем обильно оросил лосьоном, потом долго подбирал галстук к своему парадному костюму. Быстро проглотив завтрак, он схватил девушку за руку, и хотя на ее тарелки еще оставались кусочки недоеденного омлета, вытолкнул ее из квартиры и вышел сам. Вместе они спустились на улицу.

Герман чмокнул свою спутницу в щеку и, не обращая больше на нее внимания, помчался на остановку автобуса.

– Что будете пить? – спросил Хейг, когда Герман устроился в кресле напротив него.

– Все равно, – ответил Герман и невольно облизал пересохшие от волнения губы.

– В такую жару лучше всего пить минеральную воду, – со знанием дела проговорил Хейг. В отличии от Германа, облаченного в свой лучший костюм, он был одет очень просто: в тонкие летние брюки и в легкую тенниску.

Хейг поставил перед Германом хрустальный бокал с минералкой.

– Могу вас порадовать, я решил издать вашу книгу у нас в Америке. Но скажу вам честно, на большой коммерческий успех я не рассчитываю. У вас в России странные люди, здесь никто не может ни говорить, ни мыслить просто. Вам во всем необходимо докопаться до смысла. А какой в этом смысл, – рассмеялся явно довольный своим каламбуром Хейг. – Поэтому если предложить вашу книгу американскому читателю в том виде, в каком она написана, то он ее просто не поймет. Я сам многое не понял. Нам придется провести серьезную редакционную работу, кое-что сократить, кое-что сформулировать более доступно. Надеюсь, вы не возражаете против таких правок?

– Нет, – без всякого энтузиазма согласился Герман. Интересно, что же останется от его книги в ее американском варианте, тоскливо подумал он.

– Это по-деловому, – обрадовался Хейг. – Я тут имел дело с некоторыми вашими авторами, так они ни в какую не соглашались даже на малейшее изменение. Издавай их книгу такой, какую он ее написал или не издавай совсем. Удивительный народ, не понимает, что в бизнесе невозможно без компромиссов. Я подготовил договор между вами и моим издательством, посмотрите и если согласны подпишите.

Глаза Германа быстро помчались по строчкам контракта, из всех перечисленных в нем многочисленных условий его по-настоящему интересовало только одно – величина гонорара. Внезапно он почувствовал, как у него пальцы самопроизвольно сжались в кулаки, сумма причитающегося ему вознаграждения была столь мизерной, что у него даже возникло желание гордо отказать от нее и вообще не подписывать эту бумажку. Или даже порвать ее прямо на его глазах. В крайнем случае, пусть издает бесплатно. Это лучше, чем такое унижение.

– И это все, что я должен получить? – спросил он.

Хейг нарочито огорченно развел руками.

– А что вы хотите, я же вам сказал, что я не ожидаю прибыли от этого проекта. Считайте эту сумму не гонораром, а моей благодарностью вам за хорошую книгу. Но вы не огорчайтесь, если книга хорошо разоидется, то мы сделаем повторный тираж. И тогда размер гонорара может оказаться значительно больше. Пока же я иду на риск.

Герман был почти убежден, что американец лжет, что он пользуется тем, что у Германа просто нет иного выхода, и нагло выкручивает ему руки. Пусть он не получит денег, но по крайней мере его имя будет хотя немного известно там за океаном. А это тоже немалый капитал. Он достал ручку и чиркнул ей по бумаге.

– Это замечательно, я очень рад за вас, вы приняли мудрое решение. Теперь вас ждет слава в Америке. – В голосе Хейга звучали радостные нотки, но по выражению его лица Герман видел, что американец уже потерял к нему интерес, он легко добился своего, и теперь его ждут другие более важные дела. – Хотите еще что-нибудь выпить? – вежливо, но уже сухо поинтересовался Хейг.

– Нет, спасибо, меня ждут еще в другом месте.

– В таком случае не смею вас больше задерживать. Был очень рад нашему знакомству, – снова, как прощальный подарок, озарился белозубой улыбкой американец.

* * *

Он вдруг почувствовал, что устал. Устал не от двухлетней напряженной работы, а оттого, что она оказалась на самом деле никому не нужной и бесполезной. Он написал книгу и по отзывам многих вполне достойную книгу, но что с того толку. Человек надеется, что его труд принесет ему в конце концов отдачу, но как только он оказывается законченным, то быстро убеждается, что его упования на него оказываются тщетными. Ну а если даже кто-то и проявляет к нему какой-то интерес, то не для того, чтобы воздать должное его творцу,

а чтобы воспользоваться плодами, выращенными чужими руками. Но в таком случае, какой смысл в такой работе, если она не способна ничего изменить в жизни, если она оставляет после себя лишь ощущение горечи от бессмысленно затраченного времени и непомерных усилий? Но теперь, когда очередной цикл его жизненному пути завершился, когда он вновь пришел к тому, с чего его начал, он не знает, что ему делать дальше, куда идти? Жизнь все больше представляется ему бессмысленным колесом, которое постоянно крутится, но никуда не движется.

Если подвести итог всего, что с ним произошло за последние несколько лет, то у него набирается богатый набор аргументов вполне достаточный для того, чтобы признать свое жизненное поражение и поднести руку с пистолетом к виску. У него полное ощущение ненужности и бессмысленности своего существования и нет даже проблесков мысли, каким образом все это можно изменить. И все-таки он прекрасно понимает, что кончать самоубийством свои дни он не собирается. По крайней мере в ближайшее время. Еще когда он сидел в кабинете этого в конце обнаглевшего американца, к нему пришла простая, но в какой-то степени спасительная идея, – он бросит немедленно все к чертовой матери и отправится в отпуск. Завтра ему обещали сделать окончательный расчет в издательстве за книгу, и этих денег вполне должно хватить на то, чтобы беззаботно провести один месяц где-нибудь вдали от этого проклятого города. Итак решено, он поедет сегодня же в институт, подпишет заявление, а заодно поговорит с Филоновым о своих делах. Хотя после его выступления на презентации у него мало осталось надежд на помощь председателя ученого совета.

Еще когда Герман работал над книгой, то надеялся, что она будет засчитана в качестве докторской диссертации. Доктор филологических наук Герман Фалин – это звучало и красиво и заманчиво, открывало определенные надежды и перспективы. Но теперь и того и другого с каждым днем оставалось все меньше; если бы ученый совет возглавлял хотя бы не Филонов, а кто-то другой, то тогда у него были бы неплохие шансы добиться своего. Но Филонов станет сражаться против него до конца и по-своему будет даже прав; в самом деле зачем создавать собственными руками потенциального конкурента.

С отпуском проблем не возникло, директор института сразу же подписал заявление. Этот человек всегда вызывал у Германа симпатию, он обладал одной замечательной особенностью, он практически с первого взгляда умел отличить бездаря от таланта. Герману льстило, что он не только зачислял его во вторую категорию своих сотрудников, но и не делал из этого тайны, стараясь в меру своих сил и возможностей создавать ему благоприятные условия для работы и творчества. Беда была в том, что этих сил и возможностей у него было немного; по характеру мягкий и безвольный он давно уступил реальную власть в вверенном ему учреждении другим лицам, обладавшим совсем иной ментальностью и преследующие совсем иные цели. Поэтому Герман решил, что нет никакого смысла даже заикаться перед ним о своем желании превратить свою книгу в докторскую диссертацию, он только поставит его в неловкое положение; директор непременно захочет ему помочь, но при этом все равно ничего не сумеет реально сделать. Тем самым он, Герман, только вынудит его решать проблему, которую ему все равно не решить. Поэтому Герман без всякого желания из кабинета директора направился в кабинет Филонова.

Филонов продержал Германа в своей приемной минут двадцать. Герман был уверен, что никаких серьезных дел у председателя ученого совета нет, уже наступил мертвый сезон, и все важные мероприятия переносились на осень. Ему захотелось удостовериться в своей правоте и он попытался вывести у секретарши, каким таким срочным занятием поглощен ее шеф.

Но она, несмотря на свою симпатию к Герману, о которой тот давно знал и на которую сейчас и надеялся, проявляя верность начальству, хранила стойкое молчание.

Филонов, как и Хейг, страдал от жары. На его столе сиротливо стояла бутылка «пепси», больше на нем ничего не было. Сам же хозяин кабинета сидел в рубашке с расстегнутым воротом и безучастно смотрел перед собой. Герман сразу же почувствовал, что у Филонова нет абсолютно никакого желания вести с ним разговор.

– Герман Эдуардович, а я о вас сегодня почему-то вспоминал, – имитируя радость, проговорил Филонов.

– Значит, не зря я к вам зашел, – сказал Герман. – Хочу еще раз поблагодарить вас за то, что вы так блистательно провели мою пресс-конференцию.

– Да бросьте, – величественно отмахнулся от комплимента Филонов. – Это была несложная работа. Вы написали хорошую книгу, я с удовольствием ее представил. Вот и делов-то всего.

– Как раз о моей книге мне бы и хотелось с вами поговорить.

– Что ж, с большой охотой. Хорошая книга тем и ценна, что о ней можно говорить бесконечно, в то время, как о плохой только и остается что написать рецензию, – засмеялся Филонов. – Между прочим, я слышал, что вы собрались в отпуск. Куда решили отправиться?

– Еще не знаю, как раз занят тем, что выбираю маршрут.

– Я вам завидую, сам мечтаю об отпуске, как грешник о прощении грехов, – снова засмеялся Филонов. – Если бы вы только знали до чего же все надоело.

– Так в чем же дело, Александр Борисович?

– Да вот никак не разгрёбусь со срочными делами. Каждый день что-нибудь подкидывают. Вам же известно, половина наших сотрудников уже разъехались, вот и приходится за них отдуваться. Вы, наверное, слышали, что через три дня защита докторской у Никишкина, а я его главный оппонент.

– Я тоже с вами, Александр Борисович, хотел бы поговорить о диссертации.

– Охотно выслушаю вас.

– Вы не считаете, что в качестве докторской диссертации я мог бы предложить свою книгу о Марке Шнейдере.

– Хм. – Лицо Филонова приняло изумленное выражение, как будто Герман сообщил ему о прибытии в институт делегации инопланетян.

«Гад, сейчас начнет меня топить» – зло подумал Герман.

– Честно признаюсь, Герман Эдуардович, как-то не думал о таком варианте, – протянул Филонов, явно обдумывая на ходу сложившуюся ситуацию. – Хотя с другой стороны понимаю ваше желание. – Филонов внимательно осмотрел свой кабинет, словно удостовераясь, что кроме них никакого здесь больше нет. – Могу я с вами говорить совершенно откровенно.

– Конечно.

– Скажу честно, уважаемый Герман Эдуардович, мне не хотелось обсуждать эту тему, но раз вы сами затеяли этот разговор, то, как говорится, никуда не денешься. Ваша трактовка творчества Марка Шнейдера по многим позициям вызывает серьезные возражения. Естественно, что представляя вашу книгу я не стал акцентировать на этом внимание, праздник есть праздник. Конечно, вы можете мне сказать, что это мое субъективное суждение. И это так. Но это и не так, мы в институте обменивались мнениями по этому вопросу и можно сказать, что в нашем коллективе вырисовывается определенный консенсус. И к большому моему огорчению, этот консенсус не в вашу пользу. Более того, мне даже пришлось успокаивать некоторых ваших заочных оппонентов, которые были просто возмущены многими положениями вашей книги.

– А могу я узнать, какими?

– Практически общее несогласие вызывает ваш тезис о том, что творчество Марка Шнейдера подводит итог развития всей литературе XX века. А вы помните, что Марк Шнейдер неоднократно заявлял, что литература в нашем столетии окончательно зашла в тупик,

полностью выдохлась, и у нее не осталось больше никаких осмысленных слов. Так вот, большинство наших сотрудников считают, что если может быть, кто-то и зашел в тупик, то скорей всего это не литература, а сам Марк Шнейдер.

– И это все претензии?

– Ну что вы, – даже обиделся Филонов, – люди просто кипят от возмущения. Практически никто не согласен так же с вашим утверждением, что Марк Шнейдер – самый выдающийся писатель второй половины нашего столетия. Многие придерживаются прямо противоположного мнения, они считают, что его творчество – это не что иное, как самое настоящее упадничество, а в самой личности Марка Шнейдера отчетливо просматриваются следы деградации, выросшие на почве самовозвеличивания.

– И вы тоже так думаете?

– Нет, конечно. У меня нет сомнений, что Марк Шнейдер очень самобытный писатель и весьма неординарная личность, но считать его непревзойденным гением – это все-таки большая смелость. У каждого человека свое кресло на Олимпе и очень важно уметь занять именно его. Я всегда придерживался мнения, что жизнь – это кинозал, где каждый занимает место согласно выданному ему при рождении билету.

– Я поставил его на первое место, потому что считаю, что никто другой не выразил столь полно дух нашего времени, как он.

– Что ж, может быть и так, но встает вопрос, а правильно ли вы сами понимаете дух нашего времени? Ваши оппоненты вам заявят, что они считают, что этот самый ваш пресловутый дух времени отражает совсем иной автор. И что вообще этот дух пахнет совсем по-другому и находится он совсем не в том месте, на которое вы указываете. И как вы будете доказывать, что это не так. Вы оперируете чересчур абстрактными категориями, которыми можно вертеть в разные стороны не хуже любого колеса. Вы переходите от филологии к философии, и я вам не советую это делать. Это очень опасный переход, на нем всегда можно поскользнуться. Я много раз присутствовал при подобных ситуациях, и всегда они заканчивались плачевно для претендента.

– И все же почему бы не подискуссировать, я считаю, что у меня солидные аргументы.

– Еще раз вам повторяю, – обреченно вздохнул Филонов, – мне известна ситуация, я знаю с каким вы столкнетесь противоборством. Мне просто жалко вас, потому что у вас нет ни единого шанса. Это будет большой удар по вашему самолюбию. Стоит ли, Герман Эдуардович так рисковать. Вот что я вам предлагаю, вы уходите в отпуск, через пару неделек я тоже дай бог отправлюсь вслед за вами. А когда осенью мы вернемся, когда вернутся другие, то тогда, если наш разговор не потеряет своей актуальности, мы вернемся к нему. Может быть, совместными усилиями и найдем какое-нибудь решение.

Герман понимал, что говорить больше не о чем, Филонов высказался с той предельной откровенностью, на которую вообще способен. Герман даже не ожидал от него такой непримиримой искренности, желая кому-либо отказать, он обычно долго и нудно юлил. И то, что ему, Герману, ничего не светит ни осенью, ни зимой, ни даже следующим летом у него больше нет ни малейших сомнений.

– Хорошо, вернемся к разговору осенью. Но только если вы думаете, что со мной можно поступать так, как вам или кому-нибудь еще другому заблагорассудится, то вы серьезно ошибаетесь. На вас свет клином не сходится, есть другие люди, есть другие мнения. И неизвестно еще кто победит. Вы напрасно думаете, что я не понимаю подоплеку всех ваших рассуждений, вы не хотите пускать меня в вашу резервацию потому что боитесь, что я не буду покорно следовать вашей воле. А вам для вашего войска требуются только такие резервисты. Вы хотите, чтобы ваше мнение о Марке Шнейдере было бы непреложным, как папская энциклика. Но этого никогда не случится. – В голосе Германа звучала неприкрытая угроза и вызов, и он поймал удивленный и одновременно настороженный взгляд Филонова.

Герман понимал, что сейчас он, быть может, совершает ошибку, о которой будет долго сожалеть. И все же он не раскаивался в своем поступке; по крайней мере, в ту минуту, что он швырял в лицо Филонову все, что накопело у него за время этого замечательного разговора с ним, на душе он чувствовал себя как никогда счастливым.

Рядом располагался небольшой пивной подвальчик, куда сотрудники института частенько ныряли, дабы немного отдохнуть от чинной академической скуки своего заведения. Герман спустился в тесный и душный зальчик, где белыми кучевыми облаками висел сигаретный дым, заказал две кружки пива и осушил их двумя большими глотками. Теперь он как никогда ясно понимает, что уперся в стену, которую ему будет крайне трудно обойти или прошибить. И дело не только в том, что против него выступает Филонов – хотя, учитывая его связи, вес и возможности, это более чем серьезный противник, против него все те, кому не по нраву Марк Шнейдер. А их, как показывают события, легион. Впрочем, удивляться этому обстоятельству не приходится, иного и быть не может, ведь все творчество Марка Шнейдера бьет по самым главным устоям этих людей, по всему тому, на чем держится их благополучие. Он, Герман, не настолько уж поработчен восхищением своей персоной, чтобы не понимать, что дело вовсе не в его книги, она лишь едва слышимое эхо, порожденное произведениями этого писателя. Когда он приступал к их изучению, то надеялся, что окажется одним из первых, а оказался в одиночестве. Все ополчились против него, ибо они кожей ощущают, что Марк Шнейдер выталкивает их из уютных давно насиженных гнездышек на бескрайние просторы неопределенности, в те необъятные дали, где привольно раскинулось царство свободы. А они не желают становиться его подданными, им гораздо приятнее в их обжитом мирке и за его сохранение они будут сражаться до конца, как сражаются люди за свой дом. Да и чего греха таить, он и сам подчас пугается того, что открывается ему со страниц романов Марка Шнейдера, хотя сейчас ему совсем не до того, чтобы анализировать причины своих страхов. Главное для него сейчас заключается в другом, ему нужно во что бы то ни стало найти выход из безвыходной ситуации; после того, что произошло в кабинете председателя ученого совета, Филонов не только ни за что не даст ему хода, он постарается его выжить из института. А раз так, то он, Герман, должен принять важное для себе решение: что ему дальше делать, как жить.

Герман вдруг ощутил, как начинается его стремительный полет в пропасть отчаяния. Эйфория, вызванная всплеском сбежавших из-под контроля эмоций в кабинете Филонова, погасла и теперь он ощущает полную растерянность. Мразь, подлец, негодяй. С каким бы удовольствием он бы пристрелил этого человека и долго бы с наслаждением наблюдал за его агонией. Ни что не приносит такой радости, как страдания своих врагов.

Это понимали еще древние. Конечно, это выглядит не слишком гуманно, но зато приводит к освобождению от какого-то тяжелого и очень неудобного груза. Может быть, поэтому в мире столько жестокости.

Герман приехал домой и лег на диван. Надо было срочно решать, куда он отправится в отпуск, так как находиться в Москве не было больше ни желания, ни сил. Он стал читать рекламные объявления, они звали его посетить едва ли не все страны мира, отправится на самые модные и престижные курорты, поселиться в многозвездочных отелях. Но зачем они ему, везде он будет чувствовать себя чужим, незванным гостем, случайно оказавшимся на чужом пиру. Да, эти государства, курорты, гостиницы примут его, предоставят все мыслимые и немыслимые услуги, но это гостеприимство равнодушных, там нужны его деньги, а не он сам. Он напоминает себе застигнутый штормом корабль, который мечется по бушующему морю в поисках тихой уютной бухты, но нигде ее не находит, все стоянки уже заняты и куда бы он не ткнулся, отовсюду, словно прокаженного, его безжалостно изгоняют. Пора признать себе, что вся его жизнь – одна сплошная неудача, бессмысленный бег белки в колесе по кругу, бесконечная и бесплодная борьба с призраком по имени успех. Ведь кто такой на

самом деле Филонов и те, кто выстроились в один с ним ряд, это не люди, это просто имена и фамилии, это фантомы, которые хотят одного есть, пить, заниматься любовью и чувствовать себя в безопасности. Они словно автоматы запрограммированы на определенные действия и мысли, у них нет ничего своего, единственное, что их заботит – любыми путями сохранить все, что они имеют, от любых посягательств. И ради этого они готовы перегрызть глотку любому, кто покусится на эти их незыблемые права.

Внезапно раздался звонок в дверь, Герман недовольно поднялся с дивана, гадая, кто этот незваный гость. К огромному изумлению Германа на пороге стоял Иванов. Едва он завидел Германа, как по его лицу, словно блин по сковороде, поплыла широкая улыбка.

– Здравствуйте, дорогой Герман Эдуардович. Вижу по вашему виду, что, как на одной знаменитой картине, не ждали моего визита. А я вот отважился вас навестить, в надежде так сказать пообщаться. Уж вы простите меня великодушно, если я оторвал вас от важного дела или не дай боже потревожил ваш отдых. Конечно, если я не к месту, то я немедленно уйду. Только скажите. Просто оказалась у меня минутка свободная, вот и заскочил.

– Я рад, – сказал без всякой радости Герман. – Проходите.

Иванов вошел в квартиру, по-хозяйски обошел ее, как человек, собирающий тут поселиться. Затем без приглашения сел в кресло.

– Да, не очень-то вы хорошо устроились в этой жизни, дорогой Герман Эдуардович, – с глубокомысленным выражением лица промолвил Иванов. – И руки женской не просматриваются. Понимаю, в разводе.

– А версия о том, что я никогда не был женат, вас по каким-то причинам не устраивает?

– Да нет, – почему-то печально вздохнул Иванов, – по вас видно, что разведены. Холостяки и те, кто в разводе, всегда сильно отличаются друг от друга. У разведенного в душе как бы огромный шрам, он уже совсем не так смотрит на жизнь чем тот, кто не был никогда связан священными узами брака.

– И в чем же наблюдается это кардинальное отличие?

– У разведенного взгляд другой, настороженный, подозрительный и в то же время грустный. Потому что разведенный не чувствует себя полноценным человеком, ибо подсознательно считает, что потерпел неудачу. А потому все время боится, что ему начнут сочувствовать и думать о нем что он такой никудышный раз не сумел сохранить семью. Его глаза никогда не сияют оптимизмом, он редко верит в лучшее. А в глазах холостяка светится надежда, он еще верит, что счастье, возможно, что оно впереди, и он живет этим чувством.

– Я вас напою чаем. А если хотите, можем принять что-нибудь и покрепче, – предложил Герман не столько из желания угостить гостя, сколько стремясь изменить тему разговора.

– Ой, простите, совсем запамятовал, – воскликнул Иванов, – понимая, какой у одинокого мужчины может быть стол, то вы уж не обессудьте, но я тут кое-что прихватил с собой.

Только сейчас Герман обратил внимание на то, что у ног Иванова стоит раздувшийся от поклажи портфель.

– Вот, пожалуйста, – говорил Иванов, извлекая из него припасы, вот колбаска, вот ветчинка, сырок глазуревый не желаете ли. А я знаете так на всякий случай еще и хлебушек прихватил, вдруг посреди ваших забот вы забыли его приобрести. А вот это самое главное, посмотрите какой орел, – радостно возвестил он, доставая из портфеля большую бутылку водки. – Порезать бы надо все это аккуратненько. Ножичком, Герман Эдуардович, не снабдите ли?

– Ножик я вам дам, – сказал Герман. – Сейчас принесу из кухни. – Он прошел на кухню и несколько секунд стоял неподвижно. То, что происходило сейчас в его квартире, носило какой-то оттенок сюрреализма, им владело ощущение, что прямо на его глазах пишется еще одна глава «Мастера и Маргариты». Уж не сам ли дьявол пожаловал к нему в гости под видом этого странного мужчины. Если черту понадобилось перевоплотиться в человеческий облик,

то он вполне мог бы взять себе внешность и манеры Иванова. Герман достал ножик, вернулся в комнату и удивленно замер: он оказался перед накрытым столом. Водка была разлита по рюмкам, а на тарелках лежали ровные кружочки и ломтики колбасы, сыра, ветчины.

– Уж вы извините меня, я тут немного похозяйничал, позаимствовал из стенки вашу посуду. А ножик у вас почему-то на диване лежал. Вот я и не стал дожидаться. Вы уж меня не ругайте за своеволие, я только хотел облегчить ваш труд. А тарелочки скажу я вам у вас старенькие, все в трещинках, поди от родителей еще достались.

– От родителей.

– Я так и предполагал. А обновить все не досуг. Или денег не хватает. Вот горе-то. Да вы садитесь, – вдруг проговорил Иванов, видя, что Герман по-прежнему стопором стоит рядом со столом.

– Спасибо за любезное приглашение, – усмехнулся Герман. – Но это, кажется, еще моя квартира.

– Моя, ваша, да разве это так важно. Важно другое, кто хозяин положения в конкретной ситуации. А сейчас хозяином был ваш покорный слуга, вот я и предложил вам присесть. Вы не согласны со мной, уважаемый Герман Эдуардович?

Герман ничего не ответил, но про себя он был вынужден согласиться со своим неожиданным гостем.

– Предлагаю тост, давайте выпьем за вашу жизнь, – торжественно провозгласил Иванов. – Тем более, как я понимаю, она у вас еще по-настоящему и не начиналась.

– Любопытное утверждение, – усмехнулся Герман, – особенно если учитывать, что половину жизни я уже прожил.

– Да помилуйте, – даже как-то возмущился Иванов, – что же тут любопытного? Разве все, чем вы занимались до сих пор, это и есть подлинная ваша жизнь? Да никогда с таким утверждением не соглашусь. Скажу более того, вы ничего еще не знаете о своей жизни.

– Я ничего не знаю о своей жизни. Но кто же тогда о ней знает? Уж не вы ли?

– Не исключено. Но разговор не обо мне, а о вас. Когда я впервые имел счастье вас лицезреть, то сказал себе: вот несчастный человек, мечется в разные стороны, как теннисный мячик на корте, ставит перед собой мифические цели, а когда не может их достигнуть, то считает себя самым большим неудачником на свете. Но даже если не дай бог вы однажды случайно достигнете одну из тех задач, что постоянно решаете, думаете, что будете довольными? Уверю вас, ничего не получится. Знаете, в чем ваша главная беда, вы пытаетесь добиться того, чего вам совершенно не нужно. Потому и счастливы никогда не были и не будете до тех пор, пока не станете на все смотреть по-другому.

– В таком случае позвольте узнать, каковы же истинные мои цели?

– А вот на этот вопрос так сразу и не ответишь, хотя вопрос этот наиглавнейший. Но человек реже всего задает его себе. А может, и целей-то у вас нет никаких, не озадачила так сказать вас ими природа. Ну а вам само собой разумеется обидно: как же так я такой умный, образованный, значительный – и бесцельный. Да такого быть не может, найду-ка я себе какую-нибудь цельку да не просто цельку, а что-нибудь очень большое, даже великое как, например, у Наполеона и буду себя мучить ею всю жизнь. А на самом деле всего-то, что вам действительно нужно, так это гипноз, бальзам для больного самолюбия. Если бы меня попросили одним словом описать всю вашу сложную психологию, то я бы сказал: «самолюбие». А все остальное, как не крути, приложение к нему. Искренне вам говорю, печась о вашем благополучии: нельзя так, Герман Эдуардович. Подумайте хотя бы о своем здоровье, оно же не выдержит долго такого напряжения.

– Послушайте, – не скрывая раздражение, произнес Герман, – когда мы с вами встретились в первый раз, то вы говорили мне о спонсорстве, о вложении в меня капитала. Вме-

сто этого вы пришли ко мне и стали упражняться в дешевом психоанализе. Это и есть ваша помощь?

– А как вкладывать деньги в человека, который не разобрался в самом себе. Вы же умны, Герман Эдуардович, а значит, должны меня понять и мне посочувствовать; деньги же мои, а я не хочу ими рисковать. Надо же все предусмотреть, определить, что меня ждет. А это такая кропотливая работа. Вот вы завели речь о спонсорстве. Честно признаюсь вам, вы мне глубоко симпатичны, я еще на вашей презентации сказал себе: вот кому ты, Никита Петрович, должен непременно помочь. Но как это лучше сделать? Были бы вы совсем другим человеком, я бы вам принес ящичек коньяка – и дело с концом. Но зачем вам столько коньяка? Да вы еще и обидитесь за него? Ведь обидитесь?

Герман неопределенно пожал плечами.

– То-то и оно. Вы человек деликатный, а потому чтобы вас спонсировать нужно найти подходящую форму. Вот, к примеру, выну я сейчас из этого портфеля 100 миллионов рублей и дам вам просто так, даже расписочку не потребую. Возьмите и пользуйтесь на благо себе и людям. Так ваше же самолюбие не позволит принять сей дар. Оно, само собой разумеется, предрассудок, но куда же вы от него денетесь. Вы еще ничего не получили, а оно уже, как солдат, начеку. Сотворит оно вам гордое лицо и скажет решительным голосом: не беру я милостыню. А вот, предположим, другая форма моей помощи. Я говорю: эти деньги я предоставляю для написания книги, скажем на такую тему: «творчество маркиза де Сада в детских рисунках». Сами видите, цель благая, отчего не взять. Более того, чтобы перед собой оправдаться, книжку начнете писать. Так, по страничке в неделю или даже в месяц. Но факт, начнете. И даже для очищения совести как-нибудь мне набросочек покажете – дескать работаю в поте лица своего. Ну, так как, Герман Эдуардович, берете денежки? Сумма-то немалая. Ведь 100 миллионов, вы поди о них по ночам грезите. Подумайте. Даже если проживете две жизни, таких денег не заработаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.